

**ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНТЕНСИВНОСТИ
ОБРОЧНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНОЙ
РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(О статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова *)**

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

Изучить вопрос о том, какую часть произведенной крестьянами продукции отбирали себе помещики в порядке феодальной эксплуатации, да еще не на одну дату, а в динамике,— это значит познать самые глубинные основания общественных отношений феодальной эпохи, а для времени кризиса крепостничества получить и прямой измеритель степени этого кризиса.

Важность прояснения вопроса о степени эксплуатации крепостных крестьян сознается всеми историками, однако до сих пор исследователей останавливало закономерное сомнение в возможности ее разрешения хотя бы даже с предельно допустимой степенью приближительности. Эти сомнения навевались чрезвычайной сложностью вопроса и недостатками исходных данных для расчетов, в том числе многими несовершенствами статистического материала, неполнотой сведений о совмещении разных форм эксплуатации, о дифференциации повинностей в условиях круговой поруки, о размерах прибылей крестьян-капиталистов, которые тоже были объектом обложения, о размерах связей крестьян с рынком и т. д.

Но вот два автора, известные весьма ценными исследованиями по истории крестьянства и сельского хозяйства дореформенной России, предложили свое обобщенное решение вопроса. Можно ожидать, что оно получит широкое распространение в научной и учебно-популярной литературе ввиду остро ощущаемой потребности в решении данной задачи, причем немалую роль в этом сыграет и цифровая форма, в которую облекли предложенное ими решение вопроса о степени эксплуатации крестьян И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, поскольку цифровое выражение всегда является символом точности.

Сказанное заставляет отнести к подсчетам Ковальченко и Милова с повышенным вниманием. Желательно, чтобы вопрос об их основательности был решен при возможно более широком обсуждении. Этими соображениями и вызвано настоящее мое выступление. Вопрос сводится к тому, можно ли выведенное авторами рассматриваемой статьи соотношение доходов крестьянских хозяйств и оброков считать хотя бы приблизительно соответствующим действительности.

Остановимся на первой части статьи И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, главное назначение которой, во-первых, доказать правомерность пользования средними показателями оброков и доходов, вычисляемыми по всему составу крестьянства данного поместья в целом без разделения на группы, и, во-вторых, опровергнуть положение о том, что рост оброчной повинности в конце XVIII — первой половине XIX в. мог осу-

* См. «История СССР», 1966, № 4, стр. 55—80.

ществляться в некоторой мере на основе повышенного обложения зажиточных хозяйств¹.

Большое место занимают в этой части статьи таблицы с комментариями к ним, которые должны дать представление о соотношении различных социальных групп в помещичьей деревне и о размерах оброчного платежа крестьян различных категорий. Независимо от того, с какой главной целью приводятся материалы подобного рода, почерпнутые из архивов, они могут представить значительный самостоятельный интерес. Но научная значимость подобных публикаций определяется не только самими цифровыми данными, но и тем, насколько правилен был метод их обработки.

Обращая внимание на эту последнюю сторону исследования двух авторов, мы сразу же обнаруживаем в ней серьезные отступления от установившихся в советской науке способов составления таблиц и подсчетов. Эти расхождения начинаются с исходного момента — со способов и принципов группировки крестьянских хозяйств. Здесь нет необходимости говорить о важности правильного решения вопроса о группировках: степень точности его решения отразится на качестве и убедительности всего последующего изложения.

На всем протяжении первой части труда И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова читатель имеет дело с такими категориями, как «беднейшее», «среднее», «зажиточное» крестьянство. Поэтому для него совершенно необходимо иметь четкое представление о том, как понимают авторы статьи эти категории и каковы те границы, которые определяли отнесение каждого хозяйства, записанного в подворной описи, в ту или иную группу. Требование к исследователям сообщать эти сведения воспитано в нас опытом работы над ленинскими историко-экономическими трудами. Содержащиеся в них таблицы по расслоению русского и зарубежного крестьянства отличаются кристальной ясностью и чистотой признака, положенного в основу группировки. Этот признак всегда один, он не комбинируется с другими: это или размер посевной площади, или количество лошадей на хозяйство, или какой-нибудь другой показатель. Подобный способ построения таблиц отнюдь не был обусловлен используемым первоисточником. Он практиковался В. И. Лениным и при его работе над комбинационными таблицами, которые давали возможность дифференцировать крестьянские хозяйства по усложненному составному показателю. Но В. И. Ленин на это не шел. Строгая выдержанность основ группировок сообщала ленинским таблицам силу ясности и доказательности для читателей.

Такой способ группировки крестьянских хозяйств твердо усвоен советской историко-экономической наукой. Но И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов отошли от этой традиции. Их группировка чрезвычайно сложна — сложна настолько, что ее основы даже не могли быть изложены в статье во всей полноте. Они показаны там, по словам авторов, лишь «в целом», расплывчато и неопределенно. Ими применялся способ комбинирования разных показателей. В основу положен признак количества лошадей на одно хозяйство. Против этого не может быть возражений. Но признак лошадности сопряжен и подправлен иными показателями, и по этому поводу приходится очень настораживаться. В группировку по числу лошадей на двор вмешивается и искажает ее иной показатель — по торгово-промышленной деятельности крестьян. Но как нечетко и по существу спорно это проделано! Неизвестно, например, на каком основании в земледельческих деревнях все владельцы торгово-промышленных заведений включались в высшую группу зажиточных?

¹ Соображения того и другого рода высказывались мною в статьях о мелкотоварном укладе в России (см. «История СССР», 1961, № 2; 1963, № 4), а до того — Н. Л. Рубинштейном (см. его книгу «Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.», М., 1957, стр. 159).

В частности, у нас есть твердое сомнение в том, что такими крестьянами в земледельческих деревнях были владельцы крупорушек или «различных мастерских» (?) ². Неизвестно также, чем отличаются «крупные торговцы» от всей остальной их массы.

Во всяком случае видно, что в таблицах Милова и Ковальченко группа «зажиточных» не получила единого экономического и социального облика и отнюдь не стала сосредоточением промышленно-капиталистической верхушки деревни.

Особые возражения вызывает прием «корректирования» группировки по лошадям показателями по обладанию коровами. При том условии, что в изучаемых селах не практиковалось торгово-промысловое животноводство, — а такими и являются села и деревни, рассматриваемые авторами статьи (по крайней мере они ничего не говорят об обратном), — лошади и коровы как крестьянский инвентарь имели глубоко различное значение. Лошади — это одно из важнейших средств производства у крестьянина, коровы к средствам производства не относятся. Соответственно наличие лошадей дает производственно-экономическую характеристику крестьянскому двору, коровы же, как и другой продуктивный скот, показывают лишь его материально-бытовую самообеспеченность (за исключением дополнительного значения как источника навозного удобрения). Вот почему совмещение показателей по обеспечению дворов лошадьми и коровами при группировке дворов мне кажется глубоко ошибочным приемом. По существу это совмещение означает переход от экономической к материально-бытовой характеристике крестьянских хозяйств ³.

Такой сложный, нечеткий и во многом неубедительный способ группировки сильно подрывает позиции Ковальченко и Милова. Возьмем, например, случай, когда «зажиточные» облагались меньшим оброком, чем «средние» крестьяне. В прил. 2 таких случаев немало. Встречаются даже имения, где «зажиточные» облагались оброком слабее, чем беднейшие крестьяне (см., напр., имения: Сосновское за 1835 и 1853 г., Труневское за 1825 г., Агафидское за 1841 г., степные имения Юсуповых за 1825 г., Гривское за 1844 г., Патышкинское за 1851 г.).

Анализ и попытки объяснения такого парадоксального явления могли бы привести к интересным результатам, но аналитическая работа читателя сразу прерывается естественно возникающим сомнением: не является ли такое странное соотношение платежей следствием ошибочного группирования крестьянских хозяйств, при котором действительно зажиточные крестьяне разбавлены, например, владельцами каких-нибудь мелких заведений? По той же самой причине нельзя пока принять и тот факт, утверждаемый в таблицах рассматриваемой статьи, что в ряде имений процент «зажиточных» хозяйств доходил до 40,7—68,2 (см. имения: Семенцовское, Ивеньское, Позняковское, Пасконское (Мещевская часть), Покровское Мордвиновых, калужские Мусиных-Пушкиных, Загорьинское — в прил. 2).

Помимо практики сомнительных группировок, есть и другое серьезное нарушение принятых методов изучения крестьянских хозяйств и их дифференциации. Относительные экономические показатели по крестьянским дворам в таблицах выражены в средних числах не на один двор, а на одну мужскую душу. Так вычислен оброк и доходы в табл. 2, в табл. 4 и прил. I.

Во всех работах В. И. Ленина, где изучается расслоение крестьянства, почти всегда мы находим средние исчисления не «на душу», а «на двор», в том числе и в тех случаях, где оба эти расчета были одинаково возможны по состоянию первоисточника. В таблицах В. И. Ленина спо-

² См. поясняющие примечания к статье Ковальченко и Милова, стр. 57.

³ По тем же причинам нельзя считать правильно сконструированную рубрику в прил. 2 — «всего скота» — без выделения рабочего скота (стр. 78—80).

соб исчисления «в среднем на двор» заменялся другим только в очень редких случаях. Выбор В. И. Лениным того или иного способа, конечно, не был случайным, он диктовался принципиальными соображениями, которые нам чрезвычайно важно знать.

Оба эти приема исчисления средних показателей встречаются вместе в ленинских таблицах, где анализируются бюджеты крестьян. В них все показатели, дающие производственно-экономическую характеристику крестьянских хозяйств, исчислены «в среднем на двор», показатели же материально-бытовой обеспеченности — «в среднем на душу». Расходы на хозяйственные нужды и на уплату повинностей и податей В. И. Ленин всегда исчислял в среднем на хозяйство, так же как и все доходы крестьян⁴.

Но ввиду того, что размеры населения дворов у отдельных групп крестьян разнились, показатель этот важен. Чтобы его учесть, В. И. Ленин, не рассчитывая «в среднем на душу» и не вводя, таким образом, этот показатель в состав статистического подлежащего, подавал его как одну из составных частей статистического сказуемого таблиц.

Ленинский метод исчисления «в среднем на одно хозяйство» принят всей нашей современной историко-экономической наукой. Он имеет глубокое и неоспоримое принципиальное обоснование. Конечной неделимой хозяйственной ячейкой в деревне были крестьянский двор, а не отдельные лица. Делать группировки крестьян на основе посемейного имущества, а подсчитывать показатели по ним в среднем «на одну душу», как это делают Ковальченко и Милов, значит проявлять недопустимую непоследовательность. Для выбора способа исчисления средних большое значение имеет ленинское понимание внутренних отношений в крестьянском хозяйстве. Если в беднейшем и среднем хозяйствах они строились преимущественно на началах равенства, то в зажиточных и вместе с тем, как правило, многосемейных дворах отношения были иные. В них сильны были элементы эксплуатации рядовых членов со стороны хозяина двора, зачаточные формы капиталистических отношений, отсутствие равенства. Этого не замечали народники со свойственной им так называемой семейно-трудовой теорией, которые широко практиковали поэтому исчисления «на душу». Как мы видели, В. И. Ленин чрезвычайно ограничил сферу применения таких расчетов. Он прибегал к ним лишь в исчислениях расходов на личные нужды и не практиковал их, когда надо было дать анализ производственно-экономического состояния крестьянских хозяйств. «...Было бы неправильно брать за единицу для всех сопоставлений не двор, семью, а 1 душу населения (как любят делать народники)», — замечал Ленин⁵. А наши авторы не обращают внимания на это важное методическое указание и без попыток какого-либо обоснования сворачивают на дорогу подушевого исчисления средних чисел.

К методическим недостаткам первой части исследования относится также выбор объектов изучения, среди которых превалируют земледельческие деревни, в то время как для оброчных деревень характерен был промысловый и промыслово-земледельческий быт крестьян. Именно с этим было связано то обстоятельство, что оброчная система преимущественно утвердилась в нечерноземной, промысловой полосе. Ясно, что перемещение центра тяжести в отобранном материале на земледельческую деревню, где поляризация крестьянства была значительно меньшей, чем в промысловых селах, сильно искажает картину. Авторы пытаются обосновать свой подбор объектов исследования тем соображе-

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 140—164. Исключением являются в одной таблице исчисления «на душу» стоимости строений, инвентаря и скота (стр. 151) и в одной таблице — такой же расчет общего дохода наравне с расчетом «на хозяйство» (стр. 153). В этих двух случаях исчисления в среднем на душу даны как бы дополнительно и в тексте не анализируются.

⁵ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 127.

нием, что в общей массе деревенского населения преобладало земледельческое крестьянство. Но это само по себе правильное замечание не относится к делу: ведь мы в данном случае изучаем не вообще сельское население, а лишь оброчное крестьянство!

Плохо представлены в рассматриваемой статье крупные промысловые села, где дифференциация крестьянства и соответственно обложения была резко повышена. Несмотря на относительную немногочисленность, такие села оказывали непропорционально большое воздействие на средние данные о доходах и оброчных платежах по губерниям и даже России в целом. Может быть, по таким поселениям нет нужного материала? Он есть, конечно. Но Ковальченко и Милов недостаточно внимательны к нему. Они даже не собрали относящийся сюда опубликованный материал, например, по промысловоогородническому селу Сулости Ростовского у. Ярославской губ.⁶, по Алексеевским вотчинам Шереметьевых Бирюченского у. Воронежской губ.⁷ и др.

Закончим наши замечания по первой части статьи И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, касающиеся методической стороны дела, откликом на одно положение, которому авторы придали как бы общеметодическое значение.

Выясняя возможность выведения среднего показателя не по группам дворов, а по всему населению деревни в целом и по изменению размеров оброка во времени, авторы статьи задаются вопросом: каковы «те основные требования, которым должны удовлетворять показатели о средних размерах оброка»? И отвечают на него следующим образом: «...Если данные о динамике средних размеров складываются из роста или снижения размеров оброка у всех качественно различных прослоек крестьян, а темпы изменений у разных прослоек не имеют резких различий, то они правильно отражают общую суть процесса, имеют научный смысл» (стр. 56). Подчеркнуто мной.— П. Р.). С таким пониманием закономерности выведения средней нельзя согласиться. Как видно, для наших авторов важно лишь направление и пропорциональность развития, а не его качественное содержание: что собственно изменяется в размерах, их не интересует, лишь бы изменения шли в одну сторону. Но возьмем промышленное оброчное село. Там облагались, с одной стороны, крупные или не столь крупные капиталисты, для которых оброк становился лишь налогом на их полученные эксплуататорским путем прибыли, с другой — трудовые заработки рядового крестьянина в порядке настоящей феодальной ренты. Безоговорочно выводить среднюю величину между этими различными категориями, хотя бы их эволюция шла в одном направлении и была бы в какой-то мере соразмерна, — значит воспроизводить давно отброшенные образцы устаревшего статистического метода.

Недостатки методических приемов при составлении таблиц 1, 2, 4, показывающих расслоение крестьянства и оброчные повинности разных его групп (неправильные приемы группировки, исчисление «на душу» по тем показателям, которые требуют исчисления «на 1 двор», неточно отражающий характер оброчных поселений отбор объектов изучения), не позволяют принять эти таблицы. В таком случае встает вопрос: как поступить читателю работы Ковальченко и Милова, который не располагает материалом первоисточника и должен ограничиваться изучением переданных ими статистических сведений?

Частичным выходом из положения может послужить предварительная восстановительная работа, которая в некоторой мере может ис-

⁶ В. А. Федоров. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (конец XVIII — первая половина XIX века). «Вестник Московского университета», 1962, № 6.

⁷ А. Н. Небольсин. О крепостных крестьянах-капиталистах Воронежской губ. «Известия Воронежского краеведческого об-ва», 1927, № 3—5.

править табличный материал. Без обращения к архивным первоисточникам нельзя исправить группировку крестьянских хозяйств, но приблизительно, пользуясь соответствующим коэффициентом, можно пересчитать средние цифры «на одну душу мужского пола» на другой показатель: в среднем «на одно хозяйство».

Предпринимая эту работу, несколько ограничим материал. Повышение доли зажиточных дворов в оброчном обложении — явление сравнительно позднее. Исходя из этого соображения, возьмем из табл. 2 (прил.) статьи И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова лишь те показатели, которые относятся к 40-м и 50-м годам (в случае нескольких показателей на разные даты в пределах этих десятилетий по одному имени берем показатель на последнюю дату) и вычислим средние данные. Вот результаты:

Категории хозяйств	Промысловые поселения Средний оброк на 1 хоз.—26,7 руб.				Земледельческие поселения Средний оброк на 1 хоз.—32,9 руб.			
	% дворов к общему числу	оброк на 1 хоз-во (в руб.)	% оброчной суммы	на 1 хозяйство душ м. п.	% дворов к общему числу	оброк на 1 хоз-во (в руб.)	% оброчной суммы	на 1 хоз-во душ м. п.
Беднейшие	49,7	17,04	33,9	2,4	21,2	14,03	12,9	2,3
Средние	33,7	33,62	40,1	4,1	56,2	40,60	56,3	5,8
Зажиточные	16,6	41,00	26,0	5,0	22,6	39,69	30,8	6,3

Мы помним, что в первой части статьи Ковальченко и Милова поставлены два вопроса: о научной оправданности средних показателей повинностей и доходов, вычисляемых для всех дворов сел и деревень недифференцированно, и о соответствии или несоответствии размеров оброков и крестьянских доходов.

Различие в оброке у разных категорий крестьян в промысловых поселениях выражено здесь отчетливо: зажиточные дворы платили больше, чем беднейшие, вдвое с лишним. Как будут выглядеть на фоне данных нашей таблицы средние размеры оброка на одно хозяйство, если его вычислить не по группам дворов, а в целом по селению? По промысловым селениям общий средний оброк равен 26,7 руб. Весьма важно отметить, что по своему размеру он намного превышал цифру обложения дворов из наиболее крупной группировки — беднейших хозяйств, включавшей в себя почти половину всех дворов. Здесь, вопреки утверждениям Ковальченко и Милова, общая средняя явно не имеет «научного основания».

Иное дело — показатели по земледельческим поселениям. Неясность возникает в самой таблице: зажиточные показаны менее высоко обложенными, чем средние крестьянские хозяйства. Объясняется это странное явление несомненно тем, что в верхнюю группу неумеренно включались крестьяне для этого неподходящие. В этом можно убедиться, сопоставляя долю зажиточных дворов в земледельческих и промысловых селах: первые (22,6%) оставляют за собою вторые (16,6%), хотя соотношение должно было быть обратное⁸. Ошибочность дифференцирования хозяйств крестьян в земледельческих поселениях видна и из того, что процент дворов верхней группы в таблице превышает принятую Лениным долю этих дворов в капиталистической России (20%). Так как здесь мы столкнулись с последствием неправильной разбивки крестьян на группы, то поэтому исправить показатели таблицы не можем. Рассматривая таблицу так, как она есть, удостоверяемся, что общий сред-

⁸ Исследователь расслоения в торговых селах Воронежской губ. (1811 г.) писал: «Количественно слой крестьян-капиталистов был очень невелик, составляя всего 0,88% населения вотчины» (А. Н. Небольсин, Указ. соч., стр. 27). Между тем в прил. 2 в группу зажиточных отнесено от 2 до 68% крестьян.

ний показатель оброка, равный по земледельческим поселениям 32,9 руб., далек от показателя по наиболее многочисленной категории крестьянских хозяйств, которая здесь будет средним крестьянством, — он был меньше его на 7,7 руб.

Таким образом, и в отношении земледельческих имений имеется мало оснований к тому, чтобы в общей средней цифре обложения видеть цифру, близкую к размерам оброка, платившегося большей частью крестьянских хозяйств. Тезис авторов статьи — «средние размеры оброка определялись оброчным обложением основной массы крестьян» (стр. 61) — нельзя считать доказанным.

Выше уже отмечалось, что для изучения положения оброчных крестьян первейшее значение имеют материалы промысловых сел. К сожалению, в статье Ковальченко и Милова почти нет сведений о крупных промышленных пунктах, а те, что есть, либо сомнительны, либо неполны. Трудно, например, серьезно оперировать данными по селу Безводному (см. табл. 1), если в них утверждается, что зажиточные дворы облагались оброком в гораздо меньшем размере, чем беднейшие. По Великому селу и Ивановскому даны слишком ранние показатели на 30-е годы. Но все же и по ним видно, что даже при исчислении доли различных групп дворов по населению обложение зажиточных было почти вдвое значительнее их численной весомости. Еще больше была бы эта диспропорция при исчислении доли групп в общем составе крестьянства не по числу душ, а по числу хозяйств.

Авторам не следовало бы обходить материал в опубликованных документах и локальных исследованиях, где он содержится не в изолированных от прочей вотчинной документации подворных описях (в этом заключается существенная слабость документальной базы статьи Ковальченко и Милова), а в живом окружении многосторонних данных об экономическом быте, взаимоотношениях и классовой борьбе крестьян. В опубликованных материалах зафиксированы большие расхождения оброков и вообще всех денежных плат у основной массы крестьян и единичных представителей наиболее обеспеченной верхушки⁹, сведения о которых следует рассматривать обособленно, не разбавляя зажиточную группу до 50—60% всего населения деревни, как это имеет место в данной статье.

Вот, например, цифры оброчного обложения крестьян известного промышленного села Богородского Нижегородской губ. (1858 г.), с особой наглядностью показывающие всю научную ценность «средних цифр» оброка в условиях сильной дифференциации деревни. Средний оброк с души там равнялся 25 руб., но с 75 человек поступало по 30—95 руб., с 53-х — по 100—195 руб., с 24 крестьян по 200—375 руб., а с 9 человек от 500 до 1530 руб. в год с каждого¹⁰. Неужели и здесь наши авторы будут утверждать, что средние размеры оброка «не утратили реального смысла, вполне научны и ими закономерно пользоваться»?

Сведения о доходах крестьян по четырем имениям (табл. 3) слишком скудны для общих выводов, и их трудно принять без предварительного источниковедческого анализа. Вотчинная администрация, как правило, не знала истинных размеров прибылей капиталистов. Быть может, данные о доходах крестьян, содержащиеся в описях, которым Ко-

⁹ В. А. Федоров. Указ. соч.; А. Н. Небольсин. Указ. соч.; И. Т. Козлов. Расслоение крестьянства в барщинной и оброчной вотчинах России 20—50-х годов XIX в. «УЗ Вологодского гос. пед. ин-та», 1942, в. 3; А. М. Большаков. Из быта крепостных крестьян. «Известия Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена», 1928, в. 1; В. И. Снежневский. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и первые годы после нее. «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. III, Н. Новгород, 1898; «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.», М., 1961, стр. 523, 565 и др.

¹⁰ В. И. Снежневский. Указ. соч., стр. 69.

вальченко и Милов чрезмерно доверяют, столь же далеки от реальных величин доходов, как известные «объявленные капиталы» купцов, определявшие размеры гильдейской пошлины, но совершенно не соответствующие действительным их денежным богатствам. Я не собираюсь утверждать факт нереальности указанных в подворных описях доходов, но источниковедческий анализ был бы здесь совершенно необходим.

Не менее, чем при анализе оброка, сомнительна группировка хозяйств и при изучении доходов — ведь здесь не выделяются крестьяне с такими доходами, которые позволяли облагать их оброком в 500, 1000 и более рублей!

Присмотримся к тому, что дают нам авторы (табл. 2), но предварительно переведем показатели доходов с исчисления «на душу» на другую среднюю цифру: «на 1 двор». И здесь, как и при рассмотрении оброка, утверждение о научной обоснованности общей «средней» терпит провал: средние цифры доходов оказываются ближе не к самой многочисленной, а ко второй по величине группе дворов. Так, по Киясовскому имению крестьяне из крупнейшей группы, составлявшей почти половину всех дворов (беднейшие), получали на 42 руб. меньше среднего дохода, причем их доход составлял всего около 55% средней цифры (94 руб., — средняя, 52 руб. — у беднейшего двора). В Спасском имении эта же разница составляла 44 руб. (130 руб. — средняя, 86 руб. — доход беднейшего двора), причем беднейшая группа была здесь не только в относительном, но и абсолютном большинстве (53,8%). В Великом селе опять-таки у наиболее многочисленной беднейшей группы (43,2%) разрыв доходов со средней был очень большой — 51 руб., средняя превышала доходы беднейших хозяйств более чем вдвое (96 руб. средняя и 45 руб. доход беднейшего двора). Интересно, что и исчисления не по дворам, а в «среднем на душу» тоже дают картину большой диспропорции. Только в одном Мануйловском имении средняя цифра дохода ближе всего подходит к доходу двора у средних крестьян, которые тут были в большинстве. Но Мануйловское имение чисто земледельческое, и поэтому оно менее типично для оброчных деревень.

Сделаем еще одно замечание. Авторы рассматриваемой работы сами подмечают, что по размерам оброчного обложения эти 4 имения сильно отставали от среднего уровня по соответствующим губерниям. При известном соответствии оброка и крестьянских доходов это означает, что и доходы указывались уменьшенными. Недоучет был главным образом по категории зажиточных дворов, что скрадывало дифференциацию крестьян как по обложению, так и по их материальным ресурсам.

Делаем общий вывод: неравенство крестьян в доходах и оброчных платежах к середине XIX в. достигло такого уровня, что общие средние (то есть не погрупповые) утеряли свой научный смысл и значение. В этом отношении предреформенная оброчная деревня стала походить уже на пореформенную деревню¹¹. Разумеется, в некоторых отношениях исчисления «средних» на всю совокупность крестьянства делать целесообразно, и такие вычисления будут делаться, как делаются они теперь при изучении деревни даже зрелой капиталистической эпохи пореформенного времени. Но подобные исчисления годны лишь в определенных, узко ограниченных целях.

¹¹ Работа В. А. Федорова «К вопросу о генезисе капитализма в дореформенной России (по материалам крестьянских промыслов Костромской губернии)» знакомит нас с жизнью оброчного промыслового крестьянства. Воссозданный там облик поселений, особенно таких крупных, как села Молвитино, Парское, Вороны, Сидоровское, Красное и др., с многочисленными (по несколько десятков на село) лавками, скупщиками, «заводами» и т. п. заведениями лучше статистических расчетов, с большой силой наглядности убеждают в несостоятельности попытки воссоздать облик какого-то «среднего крестьянина» (см. «Вестник Московского университета», 1964, серия IX. История, № 5).

Обратимся теперь к другому вопросу — о соответствии оброка платежеспособности крестьян. Что более богатые крестьяне несли повышенного размера повинности, а у бедных они понижались, хорошо видно из приведенной нами выше таблицы. По сравнению со своей численностью зажиточные хозяйства облагались в промысловых деревнях больше на 53% (у 16,6% дворов 26,0 оброчной суммы), а в земледельческих на 36% (у 22,6% дворов 30,8% оброчной суммы). И наоборот, беднейшие хозяйства относительно своего удельного веса облагались меньше в промысловых деревнях на 32% (у 49,7% дворов 33,9% оброчной суммы), а в земледельческих на 38% (у 21,2% дворов 12,9% оброчной суммы). В этой диспропорции собственно и выражается отмеченное мною соответствие (оно отмечалось ранее многими другими исследователями), хотя и неполное: «Рост обложения в какой-то мере соотносился с развитием производительных сил в крестьянском хозяйстве»¹².

Рассмотрим, на чем основываются И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, отвергая это, как мне представляется, бесспорное положение.

Об одном из средств затемнения степени дифференциации дворов по их доходам и обложению — о расчете по душам, а не по дворам — уже говорилось выше.

Милов и Ковальченко много раз оспаривают очевидно несостоятельное утверждение о пропорциональном обложении оброком богачей и бедняков.

Но ведь такого абсурдного положения никто и никогда не выдвигал. Всем известно, что справедливого обременения в эксплуататорском обществе никогда не было: даже в условиях наибольшего осуществления принципов подоходного обложения бедняк всегда отдавал неизмеримо большую часть своих ресурсов, чем богач. Тем более принцип пропорционального обложения не мог осуществляться в крепостной деревне, где обычно общие предначертания об оброке давал помещик, а конкретно распределялся он по дворам мирскими властями, которыми руководили сельские богачи.

Но нельзя оспаривать того факта, что большая часть феодальных платежей вносилась богачами и эта часть была непропорциональна удельному весу их численности в крестьянском мире. Ко времени реформы помещик в зажиточных крестьянах все больше находил для себя опору, гарантирующую ему в известной мере получение оброчной суммы, хотя бы с большими недоимками, и этому не противоречит тот факт, что оброки для богатых крестьян были сравнительно легкими расходами, а у бедняков они отнимали все до последнего предела. Возвышение же оброка в целом страдало, хотя и непропорционально, возрастание материальных ресурсов во всей основной массе крестьянства.

Другое и, казалось бы, более существенное возражение против мысли о соответствии оброка и доходов и о научной неоправданности средних состоит в том, что, по мнению Ковальченко и Милова, обнаруживаемая диспропорция слишком незначительна, чтобы принимать ее во внимание. Например, говорят они, «даже в чисто промысловых имениях, где расслоение крестьян было наиболее глубоким, а различия в доходах отдельных прослоек наиболее существенными, доля оброчного обложения зажиточной прослойки превышала долю населения максимум лишь вдвое, да и то не везде» (стр. 59).

На это можно ответить, что такая диспропорция не столь уже мало-значительна. В конце XIX в. отношение между долей дворов высшей группы и находившейся у них частью посевной площади, как и части всей вообще земли, находившейся в пользовании у крестьян, в губерниях

¹² П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX века. «История СССР», 1961, № 2, стр. 58.

центрального района выражалось пропорцией 1:1,8¹³. Пропорция эта, как видим, меньше, чем то расхождение между показателями, о котором говорят Ковальченко и Милов. Однако и такая диспропорция казалась В. И. Ленину убедительным свидетельством невозможности выведения средней цифры землепользования для всего крестьянства без разбивки его на группы. Отметим еще, что и более массовые данные по селам с менее значительным экономическим развитием (см. прил. 2) показывают в высшей группе соотношение между удельным весом дворов по их численности и долей уплачиваемого их хозяевами оброка, не столь уж далекое от пропорции 1:1,8. В промысловых поселениях это соотношение выражается пропорцией 1:1,6, а в земледельческих — 1:1,4 (напомним, что на последних цифрах особенно, а на цифрах по промысловым имениям тоже не в малой степени отрицательно сказываются недостатки группировки и другие методические просчеты).

Наконец, еще одно сомнение, которое проскальзывает у Ковальченко и Милова — по поводу того, что крестьяне-богачи брали на себя большую часть оброчной платы деревни: почему они, обладая решающим влиянием на деле крестьянского «мира», который распределял повинности, соглашались на такое свое «переобременение»? В этом сомнении прежде всего сказывается недоучет власти помещиков, которые далеко не всегда и богатым крестьянам давали свободу распоряжаться их имуществом и вообще вести свои хозяйственные дела.

Но есть и другая, может быть, более существенная сторона в отношениях крестьян-богачей к распределению оброчных платежей. Буржуазным кругам всегда было свойственно за небольшие для них суммы приобретать для себя дополнительные выгоды. В значительной степени на этом была построена, например, буржуазная «благотворительность»: она создавала для буржуа особого порядка «уважение», за которым шло специфическое купеческое «доверие», в свою очередь уже прямо приносившее немаловажные капиталы. И в оброчной деревне под флагом благотворительности капиталисты крестьяне добровольно брали на себя непропорционально большую часть оброчной суммы, потому что это приносило им многосторонние и большие выгоды. Создавшееся таким образом положение делало из них фактических «хозяев деревни» (конечно, в той мере, в какой это допускалось крепостническим режимом в каждом данном поместье). Как агентам первоначального накопления, крестьянам-богачам весьма важны были все средства внеэкономического давления на окружающую их массу односельчан: руководство делами сельской администрации, использование своих агентов в качестве хозяев разных «мирских» доходных статей вроде постоянных дворов и торговых мест, где велись ростовщические операции и т. д. Прямым путем к получению власти «на миру» была повышенная оброчная плата, которую зажиточные крестьяне на себя брали. Она открывала для них новые источники накопления капиталов. Одновременно непропорциональное обложение сильно расширяло круг их фактического освобождения от власти помещика, который все больше становился экономически зависимым от сельского богача, обеспечивавшего ему поступление доброй части денежной ренты¹⁴. В известной мере здесь играли роль и эксплуататорские тенденции в отношении «облагодетельствованной» массы крестьян, но они ограничивались отсутствием в деревне дореформенного времени такого крупного капиталистического производства, которое могло бы поглотить в качестве рабочих все то количество неимущих крестьян, за которых оброк уплачивался богачами.

¹³ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 122—123.

¹⁴ Сказанное хорошо подтверждается и конкретизируется в материалах отдельных вотчин, например, по с. Беклемишеву. Мещовского у. Калужской губ. (См. П. Г. Рындзюнский. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х гг. XIX в. «Исторические записки», т. 4).

Вся первая часть статьи Ковальченко и Милова, которая пока здесь рассматривалась, имеет, однако, как бы лишь вводное значение ко второй, основной части. В ней авторам не удалось доказать ни один из двух своих основных тезисов — о научной правомерности оперировать общими средними данными о доходах и повинностях по всей оброчной деревне в целом и об отсутствии частичной соразмерности между феодальными поборами и меняющимися материальными возможностями крестьянских хозяйств. Во второй части статьи решается вопрос о соотношении оброка и материальных ресурсов крестьян.

Здесь мы вступаем в царство средних цифр. Но условно не будем считаться с высказанными ранее сомнениями в их научной правомерности. Скажем сразу, что учет доходов всех оброчных крестьян по целым губерниям, даже с самой предельно допустимой степенью приближенности этого расчета, кажется нам безнадежным делом, так как деревенская экономика была слишком сложна и прихотлива, очень изменчива и сильно реагировала на трудно учитываемые для нас факторы.

Изложим вначале сомнения относительно исчисления доходов крестьян. Эти сомнения кажутся мне очень значительными.

В конструировании среднего дохода на 1 душу м. п. тем методом, как это делается в рассматриваемой статье, большую роль играют демографические сведения. Их точность прямым образом отражается на точности всех расчетов. Численность населения в деревне определяется в статье ревизскими данными. Но нельзя не принимать во внимание, что со временем соответствие этих данных количеству действительно живших в местах своей приписки крестьян все более уменьшалось. К сроку последней, десятой ревизии в оброчной полосе с сильно развитым долгосрочным отходом «наличные души» составляли лишь $\frac{4}{5}$, $\frac{3}{4}$ или и того меньшую долю от числа «ревизских душ». Есть немало сообщений, что во многих местах мужчины фактически полностью отходили от земледелия и надолго уходили из деревни, что, несмотря на крепостничество, было закономерным явлением в эпоху начавшегося перехода к фабричной индустрии, каким было время 50-х годов XIX в.

Но как же можно в таком случае исчислять производительность земледелия и промыслов в XVIII и XIX вв. одним и тем же способом — путем простого деления общей продукции на число номинальных ревизских душ? Несомненно, что в результате такой математической операции для XIX в. произойдет сильное снижение производительности земледелия по сравнению с действительностью и резко исказится представление о соотношении доходов и оброков, поскольку за хлебопашество бралась только часть мужчин, записанных за определенной вотчиной, уездом или губернией.

Производительность народной массы очень усиливалась при капитализме за счет вовлечения в трудовую деятельность тех людских кадров, которые в условиях натурального хозяйства почти не привлекались к ней. Это общее положение находит себе подтверждение в богатейшем русском «деревенском материале» середины XIX в. Главной фигурой в земледелии, когда мужчина был в длительном отходе, становилась женщина. Она же постепенно занимала равное с мужчиной место и в промышленности. В промыслы быстро входили дети, начиная с 14, а то и с 10 лет. Для нас остается неясным, как учитывается в работе Ковальченко и Милова при подсчете ими доли участвовавших в производстве крестьян и размеров доходов это расширение основной производительной силы деревни — личного труда крестьян.

В отношении исчисления продуктивности и доходов от земледелия возникает следующее серьезное сомнение. Во всех четырех губерниях, отобранных для изучения, наиболее многочисленной частью крестьянства в середине XIX в. было барщинное помещичье крестьянство (лишь в Тверской губ. оно, быть может, несколько уступало некрепостным кре-

стьянам, но и там оно составляло около трети всего сельского населения). Это значит, что при исчислении сбора продукции на ревизскую душу всех крестьян, выполненного Ковальченко и Миловым (см. прил. I), преимущественное влияние оказывали сборы на полях барщинного крестьянства. Затем по этим нормам (в основном барщинного крестьянства) исчислялась сельскохозяйственная продукция оброчного крестьянства. Неточность такого расчета очевидна. Насколько она велика? Это зависит от того, во-первых, насколько в избранных для исследования губерниях было весомо по численности барщинное крестьянство и, во-вторых, насколько продуктивность земледелия оброчных крестьян отличалась от продуктивности земледелия крестьян издельных. По первому обстоятельству выделяются Рязанская и Орловская губернии, где издельные крестьяне не просто составляли большинство, но по численности подходили к половине всех крестьян. Относительно второго обстоятельства можно сказать, что, как это видно по некоторым серьезным частным исследованиям, разница в уровне земледелия у двух категорий крепостных крестьян была велика. Например, в своем обстоятельном исследовании экономики крепостного хозяйства И. И. Никишин после рассмотрения земледелия барщинных крестьян отмечал далее следующее: «В гораздо лучшем положении находились оброчные крестьяне, располагавшие большей хозяйственной самостоятельностью. Поля их обрабатывались в относительно благоприятные сроки, и самое качество сельскохозяйственных работ стояло поэтому на более высоком агротехническом уровне, так как время позволяло произвести лишнюю вспашку, дополнительную разделку почвы и т. д.»¹⁵. Далее отмечается, что у оброчных крестьян было заметно большее разнообразие культур, в частности 5—10% посевов занимала у них пшеница (речь идет о крупном поместье Курской губ.), игравшая роль товарной культуры, а у барщинных крестьян пшеница сеялась редко и спорадически¹⁶. Конечно, улучшенное сельскохозяйственное производство не было характерно для всех оброчных деревень, поскольку во многих местах, особенно в промышленной нечерноземной полосе, в них наблюдался усиленный отрыв рабочей силы в промыслы. Но для земледельческих губерний положение, отмеченное И. И. Никишиным, во многом было типичным. Спрашивается, можно ли не принимать во внимание это важное обстоятельство и исчислять, как это делают Ковальченко и Милов, продукцию и доходы оброчных крестьян упрощенным путем, лишь соответственно доле этих крестьян во всем сельском населении губернии, даже в таких районах, где вследствие большой доли барщинных крестьян производительность их труда имела сильнейшее влияние на показатель средней производительности на душу сельского населения?

В том же исследовании И. И. Никишина отмечается «факт многообразия культур, их чрезвычайная хозяйственная разносторонность». И. И. Никишин указывает, что «крепостное земледелие превосходило своим многообразием культур последующее капиталистическое земледелие»¹⁷. В связи с этим нельзя рассчитывать, что тот ограниченный круг хотя бы и самых массовых земледельческих культур, которые учитываются как источники доходов от крестьянского земледелия, достаточно представлен. Ведь известно, что немалые оброчные суммы в Московской, Тверской, Ярославской и других губерниях центральной нечерноземной полосы снимались с доходов от крестьянского огородничества. Между тем доходы от него в статье не учитываются.

Все доходы крестьян в несельскохозяйственной области сведены лишь к заработкам (дополнительно отмечу, что в исчислениях из трех источ-

¹⁵ И. И. Никишин. Некоторые вопросы экономики крепостного хозяйства первой половины XIX в. «Исторические записки», т. 44, стр. 182.

¹⁶ Там же, стр. 183.

¹⁷ Там же, стр. 182.

ников дохода от сельского хозяйства учитывается только один — земледелие). Это заработки фабричных рабочих, коноводов, извозчиков, плотников, пильщиков, трепальщиков пеньки, рядовых бурлаков, бондарей, трудовые заработки земледельцев (стр. 77). «Главенствующее значение имели доходы от земледелия и промысловых заработков. Учетом этих основных источников доходов мы и ограничились», — пишут Милов и Ковальченко (стр. 65).

Наши авторы не хотят признавать того факта, что в «доходы деревни» широкой рекой вливались нетрудовые прибыли капиталистов-крестьян и их агентов, которые так или иначе тоже становились объектом оброчного обложения вместе с ценностями, произведенными трудом рядового крестьянина. И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым владеет странная иллюзия, будто даже в условиях развитого капиталистического уклада деньги от промыслов оброчные крестьяне получали только в порядке своих трудовых заработков.

В действительности дело обстояло по-другому. Оброчная промысловая деревня, особенно с повышенным обложением крестьян, в середине XIX в. была весьма дифференцирована. Заработки от земледелия и промыслов трудовых крестьян были невелики в значительной мере потому, что за счет произведенных этими крестьянами материальных благ росли капиталы предпринимателей-промышленников, торговцев, ростовщиков. От «побочных занятий» в 30-х годах XIX в. в Петербургской вотчине Строгановых одни крестьяне имели 50—100 руб., а другие 300—600 руб. дохода. Какие «заработки» были у крестьян-домовладельцев Петербурга из Юхотской вотчины Шереметевых (Ярославская губ.), если в 1842 г. помещик брал с них «годовых процентов» 4 тыс. руб.! Семь дворохозяев из крестьян-огородников села Сулости Ростовского у. Ярославской губ., если верить подворной описи (1850 г.), имели годового дохода более 400 руб.¹⁸ Доходы содержателей постоянных дворов в Серебрянопрудской вотчине Шереметевых (Тульская губ.), по неполным, видимо, сведениям вотчинного правления, равнялись 100—575 руб., а крестьян-торговцев — до 1000 руб. (валюта не указана). Материальные ресурсы единичных крестьян в с. Гребнево Богородского у. Московской губ., где было развито шелкоткацкое производство, позволяли им брать у помещика займы еще в 1812—1818 гг. по несколько тысяч рублей ассигнациями¹⁹.

Сильно дифференцировались доходы от промышленных занятий, даже если не учитывать прибыли собственно капиталистов. Например, в Калужской губ. «заработки» агентов мануфактуристов и фабрикантов — мастеров, раздававших ткачам пряжу, были в 2—3 раза больше, чем заработок ткачей²⁰. Значительно возвышались над заработками рядовых работников суммы, получаемые артельщиками-подрядчиками, главарями артелей бурлаков, судовых рабочих, рыбаков и т. д. Все это нетрудовые доходы лиц, еще не принадлежавших к буржуазии, но получавших часть прибавочной стоимости за услуги, ей оказываемые. Что же говорить о крестьянах — капиталистах, доходы которых позволяли помещикам облагать их оброком в несколько сот рублей! О крестьянской буржуазии в *докапиталистической* деревне В. И. Ленин писал: «Число этих мелких пиявок громадно (по сравнению с скудным количеством продукта у крестьян)»²¹.

¹⁸ И. Т. Козлов. Указ. соч., стр. 150, 162; В. А. Федоров. Возникновение торгового огородничества., стр. 59.

¹⁹ В. И. Александрова. Крестьяне крупной помещичьей вотчины центральной России в XVIII—XIX вв., Л., 1953 (канд. дисс.), стр. 324, 329—330; В. А. Федоров. Крестьяне подмосковной вотчины в первой половине XIX в. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1960, № 4, стр. 119.

²⁰ А. Ламанский. Опыт описания крестьянской промышленности Калужской губернии. ЖМГИ, 1860 г., ч. 73, стр. 7.

²¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 383.

Может быть, капиталистический доход не подлежал оброчному обложению? Конечно, он учитывался неполно и облагался далеко не в той пропорции, как денежные ресурсы рядовых крестьян. Но что оброк снимался и с эксплуататорских прибылей крестьянской буржуазии — это несомненно. Чем же обеспечивались оброки в 500, 1000 и более рублей, которые мы видели выше на примере нижегородского села Богородского? Разумеется, не теми трудовыми доходами, с которыми только и считались Милов и Ковальченко при вычислении дохода деревни.

Проблема учета прибылей крестьянской буржуазии возникала перед авторами статьи. Но как легко они от нее отмахнулись! Они уверяют, что их ориентировка на заработки «в какой-то мере» (?) квалифицированных рабочих якобы покрывает недоучет (на самом деле полное игнорирование) капиталистических доходов. Это утверждается без всякой попытки хоть как-нибудь соразмерить прибыли капиталистов и заработки квалифицированных рабочих. Подобным произвольным заявлением не должно было бы быть места в научном труде на серьезную научную тему. Можно быть уверенным, что при первой же попытке сопоставления заработков рабочих и прибылей капиталистов это предположение сразу бы отпало. Добавим еще, что утверждение Ковальченко и Милова об их ориентировке на заработки рабочих с повышенной оплатой не соответствует действительности. В приложении они прямо говорят, что в основном принимают во внимание заработки низкооплачиваемых рабочих, так как они являлись основной по численности категорий работников наемного труда. И это свое решение подтверждают делами: установив, например, что средний заработок по Орловской губ. находился между 11 и 30 руб., они останавливаются для своей таблицы на цифре 15 руб., лежащий ближе к низшему, чем к высшему заработку.

Многие заработки крестьян принимаются Миловым и Ковальченко по несомненно сниженным показателям. Например, в литературе есть сообщения о значительно более высоких платах работникам на астраханских рыбных промыслах, на каменоломнях Московской губ., о более высоких выработках крестьян в торговых и промысловых заведениях больших городов²². Эти заработки далеко оставляли позади указанные в статье «средние» доходы от промыслов оброчных крестьян²³. К тому же в ней не принимается во внимание, что промысловые доходы оброчников сильно увеличивались от совмещения профессий, которое прямо подсказывалось реальными обстоятельствами²⁴.

Если заработки середины XIX в. в статье Ковальченко и Милова снижены по сравнению с действительностью, то есть основание думать, что заработки конца XVIII в., наоборот, завышены. То и другое, сочетаясь, дает уменьшенное представление о росте заработной платы в первой половине XIX в. Для указания размеров заработной платы в конце XVIII в. авторы пользуются данными М. И. Туган-Барановского, не принимая во внимание серьезной критической работы, сделанной

²² См. о заработках на астраханских рыбных промыслах в статье В. Круковского «Судоходная промышленность в Нижегородской губ.» (ЖМГИ, 1842, ч. VI, смесь, стр. 26); о заработках на каменоломнях в статье Д. Протопопова «О промыслах государственных крестьян Московской губернии» (ЖМГИ, 1842, ч. IV, кн. 2, стр. 253); о заработках отходников см. Л. Б. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. (К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма в России), т. I, Ярославль, 1947, стр. 132.

²³ Между прочим, руководители кадастровых отрядов Министерства государственных имуществ, сведениями которых Ковальченко и Милов в основном пользуются для определения размеров промысловых заработков, сами сообщали, что они намеренно указывали заниженные данные о промысловых доходах крестьян (см. А. Ламанский. Указ. соч., стр. 5).

²⁴ Например, «бурлаки по приводе судов в места назначения иногда остаются там для летних земледельческих заработков» (В. Волков. Промышленность крестьян Орловской губернии. ЖМГИ, 1849, ч. 30, стр. 81).

М. Ф. Злотниковым, в которой показано, что указанные Туган-Барановским заработные платы были завышены²⁵.

Как видно, в исчислении примерных доходов Ковальченко и Милова есть немало сомнительного. Для оценки своих исчислений они предприняли их сопоставление с данными о доходах, содержащимися в подворных описях (табл. 3). Но что дает это сравнение, если, во-первых, между двумя показателями лежит около двух десятков лет и, во-вторых, разница в показателях настолько велика, что бесспорно указывает на недостоверность по крайней мере одного ряда цифр? А в какую сторону — преуменьшения или преувеличения доходов — произошел отход от действительности, не имеет значения. Авторы склонны доверять цифрам подворных описей, именуя их «реальными». Выше уже говорилось, что к этому нет оснований, ибо скорее всего в описях ставились условные цифры, подобные цифрам купеческих «объявленных капиталов». В статье Ковальченко и Милова отмечается на примере села Великого недоучет в подворных переписях доходов богатых крестьян, которые оставались скрытыми для вотчинной администрации (стр. 63). Такое положение существовало во всех торгово-промышленных селах. И это ясно показывает, что именовать «доходы крестьян», обозначаемые в переписях, «реальными» и с их помощью проверять исчисленные доходы, как это делают авторы статьи, совершенно неосновательно. Таким образом, сравнение так называемых «реальных» и исчисленных доходов отнюдь не может внушить нам уверенности, что последние застрахованы от преуменьшения.

Во многом сомнительны и цифры оброчного обложения, указываемые Миловым и Ковальченко.

Одному из авторов данной статьи — Л. В. Милову принадлежит очень ценное исследование о денежной ренте последних десятилетий XVIII в. В нем показано быстрое и значительное изменение оброчных платежей за этот период времени. К концу XVIII в., под которым Л. В. Милов естественно разумеет 90-е годы, для междуречья Оки и Волги, т. е. в основном для Центрального промышленного района, выясняется оброк с души м. п. в размере 7—10 руб., т. е. в среднем 8 руб. 50 коп.; в черноземном центре, в частности в Орловской губ., уже в конце 70-х годов оброк на ревизскую душу доходил до 6—8 руб., т. е. в среднем до 7 руб.²⁶ В этой связи делается совершенно непонятным, почему в статье, которую мы теперь рассматриваем (табл. 4 и прил. 1), оброки конца XVIII в. указаны столь малыми (4,0—4,8 руб. сер.)?²⁷ В условиях быстрых и резких изменений показателя следовало бы быть особенно тщательным в датировке; не мешало бы не замалчивать того факта, что, продолжая расти в первые десятилетия XIX в., оброк оставался примерно на одном уровне во второй четверти XIX в. Опираясь на исследования не только Л. В. Милова, но также Н. Л. Рубинштейна²⁸ и других историков, читатель имеет право в табл. 4 и прил. 1 статьи Ми-

²⁵ М. Ф. Злотников. К вопросу о заработной плате рабочих в крепостной России (первая четверть XIX в.) «История пролетариата СССР», М., 1933, сб. 1—2.

²⁶ Л. В. Милов. Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию, М., 1965, стр. 305, 308.

²⁷ Характерно, что на «конец XVIII в.» по Нижегородской губ. указывается цифра оброка 80-х годов — 3 руб., и этим авторы ограничиваются. Между тем в книге Л. В. Милова констатируется резкий скачок в 80—90-е годы «в районе Сергачского и Ардатовского уездов», так что в 90-х годах оброк в Нижегородской губ. достигал 10 руб. с д. м. п. Этот факт в рассматриваемой статье не упоминается. (См. Л. В. Милов. Указ. соч., стр. 299—300).

²⁸ «По крестьянским челобитным периода крестьянского движения 1796—1798 гг.» — писал Н. Л. Рубинштейн, — средний размер душевого оброка составлял от 10 до 30 руб.» (Сумма указывается, видимо, в ассигнациях. В переводе на серебро 7 руб. 40 коп. — 22 руб. 20 коп. См. Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., М., 1957, стр. 158).

лова и Ковальченко в графе «Оброк с рев. души руб. сер.» — в «конце XVIII в.» мысленно удвоить помещенные там показатели.

При изучении динамики денежной ренты надо было бы учитывать тот важный факт, что прежние «дополнительные» (в действительности значительные) к ней натуральные работы и поборы со временем переводились на деньги и полностью сливались с оброком. Последний возрастал, но спадали дополнительные поборы и повинности. Поэтому для исследователя, следящего за изменениями лишь самого денежного оброка, представление о росте эксплуатации искусственно повышалось.

Л. В. Милов и И. Д. Ковальченко обнаружили интересный факт постепенного уравнивания размеров оброка по разным местностям России, но, обнаружив его, они, как мне представляется, не смогли достаточно глубоко разъяснить это явление. Главная ошибка наших авторов состоит в том, что стремление помещиков к максимальной эксплуатации крестьян, в котором они только и видят «внутреннее содержание процесса нивелировки оброка», противопоставляется ими приведению в относительное соответствие оброка к новым материальным возможностям крепостного сельского населения: «Такого рода явления,— пишут они,— имеют в своей основе не соответствие роста оброка доходности крестьянского хозяйства, а наоборот, выколачивание из крестьян максимального размера оброка» (стр. 71).

Но почему не посмотреть на явление шире и глубже? Одним из последствий развития товарного хозяйства в России было постепенное уравнивание состояния крестьянских хозяйств в различных районах. Как же не усмотреть в этом процессе исходное основание нивелирования оброка? Тяготение к наибольшей эксплуатации крестьян имело у помещиков задолго до того, как возникли возможности для его удовлетворения (когда материальные ресурсы крестьянских хозяйств в отсталых районах поднялись настолько, что увеличение эксплуатации могло не разорить их вполне). Для противопоставления у нас нет оснований: приведение оброка в соответствие с материальными возможностями крестьян вполне совмещалось с усилением их эксплуатации.

Как видим, главные составные части табл. 4 и прил. 1 — показатели дохода и оброка — оказались очень ненадежными. Они носят на себе следы определенной тенденции: преуменьшить доход и преувеличить оброк в середине XIX в. и, наоборот, преуменьшить оброк в конце XVIII в.

Теперь посмотрим, как сопоставляются данные о доходах и оброке (см. табл. 4 и прил. 1) и какие выводы делаются авторами статьи из этого сопоставления. Сразу же скажем, что, по нашему мнению, их работа отмечена неумеренным и неточным пользованием процентными исчислениями, что, конечно, весьма болезненно сказывается на выводах. Прежде всего читателя не может не заинтересовать такой вопрос: как велики были материальные возможности крестьян после их расчета с помещиком и как изменялся во времени этот показатель? Беднее или богаче становились крестьяне? Понятно, что здесь речь идет о выявлении самой материальной основы экономического быта крестьян, о познании возможностей для существования и развития крестьянского хозяйства.

Как это ни удивительно, но столь важный показатель не выявлен авторами. Он остался скрытым в центральной таблице второй части статьи (табл. 4 и прил. 1). Читателям поневоле приходится самим делать дополнительные расчеты. Вот результаты моих расчетов, в которых исходные показатели взяты такими, как они даны в таблице Ковальченко и Милова, без попыток их исправления (сохраняется и расчет «в среднем на душу», а не на двор) — см. табл. 1.

Таковы данные об остатках средств у крестьянина в начале и конце изучаемого периода.

Сразу зафиксируем то главное, что показывает наша таблица: несмотря на увеличение оброка, несмотря на то, что помещик отнимал у

Губернии	Рост дохода крестьян с конца XVIII по сер. XIX в. (в руб. с 1 д. м. п.)	Рост оброка с конца XVIII по сер. XIX в. (в руб. с 1 д. м. п.)	Оставалось у крестьян за вычетом оброка		Остаток в сер. XIX в. к остатку в конце XVIII в. (в %)
			в конце XVIII в. (в руб. с 1 д. м. п.)	в сер. XIX в. (в руб. с 1 д. м. п.)	
Московская	16	6	18	28	155,6
Тверская	15	8	20	27	135,0
Орловская	12	9	17	20	117,6
Рязанская	9	7	18	20	111,1

крестьян в середине XIX в. большую, чем в конце XVIII в., долю добываемых тяжелым трудом жизненных благ, невзирая, другими словами, на относительное увеличение эксплуатации,—остающиеся в руках крестьян после расчета с помещиком материальные ресурсы ощутимо увеличились, так как рост дохода оброчного крестьянского хозяйства оказался для этого достаточным.

Остаток от уплаты оброка вырос в промышленных губерниях на 10—7 руб., в земледельческих — на 3—2 руб. на душу м. п., т. е. примерно на 30 руб. в первых и на 13 руб. во вторых на 1 крестьянское хозяйство. Отсюда следует, что не только возросшие оброки, но и другие обязательные платы—подушная подать, мирские сборы—с переизбытком (в промышленных губерниях с большим переизбытком), покрывались еще сильнее возросшим доходом крестьянских хозяйств²⁹. В той мере, насколько данные, приводимые Ковальченко и Миловым, отражают действительное положение вещей в крепостной деревне первой половины XIX в., они весьма выразительно выявляют материальную основу преобладания в дореформенном крестьянстве «восходящих токов», о чем мне приходилось уже писать ранее³⁰.

Но обратимся к тем выводам из сопоставления крестьянских доходов и оброков, которые сделали сами авторы статьи. Они не только не совпадают с нашими выводами, но противоположны им.

Вот первый вывод Милова и Ковальченко, который лежит в основе всего последующего их анализа: «Во всех губерниях рост размеров оброка значительно опережал рост доходности крестьянского хозяйства» (стр. 72). В свете наших исчислений этот вывод неправилен. Доход вырос на значительно большую сумму, чем оброк, поэтому в середине XIX в. у крестьян оставалось после вычета оброка больше материальных ресурсов, чем прежде. Если бы рост оброка обгонял рост доходов, то подобное явление не могло бы иметь места. Видимо, делая свой неверный вывод об опережении оброком дохода, Ковальченко и Милов исходили при этом из сопоставления процентов приращения величины того и другого (рост доходов на 39—70%, оброка на 137—212%). Они не заметили, что в данном случае такое сопоставление совершенно незакономерно ввиду большого различия абсолютных чисел, лежащих в основе процентных отношений по тому и другому показателю³¹. Если доля оброка к доходу

²⁹ В статье Ковальченко и Милова сделано начинание по исчислению величин в четвертях ржи, но, во-первых, они не доведены до конца, и, во-вторых, авторами не изложено, как они разрешили те большие методические затруднения в этом деле, которые встретились у их предшественников (И. И. Игнатович, К. В. Сивков и др.).

³⁰ См. П. Г. Рындзюнский. О мелкотоварном укладе в России XIX в. «История СССР», 1961, № 2; его же. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России. «История СССР», 1963, № 4.

³¹ Для пояснения рассмотрим следующий пример (см. прил. 1 в статье Ковальченко и Милова). По Орловской губ. в процентном исчислении цифра прироста оброка (212,5%) значительно больше процента прироста дохода (57,3%), что создает иллюзию опережения оброком дохода. В действительности оброк увеличился на 8,5 руб., но рост дохода крестьянина от земледелия был равен 9,0 руб. Таким образом, увеличение дохода по одной этой статье хозяйства показывает опережение доходом оброка

повысилась, то это означало лишь относительное увеличение эксплуатации. Какое реальное значение оно имело? В нем заключалось то немаловажное обстоятельство, что без него прирост материальных ресурсов у крестьян был бы более значительным, чем в условиях возрастающей эксплуататорской активности помещиков. Но исследователю, интересующемуся судьбами крестьянского хозяйства, совершенно необходимо констатировать, что в данном случае относительное увеличение эксплуатации сочеталось с расширением материальной базы для функционирования крестьянского хозяйства и что у крестьянина со временем оставалось больше рублей, которые он мог употреблять на свои нужды. Вот именно этот сдвиг, зафиксированный в таблице, но не выявленный ее составителями, имел для крестьян первейшее значение, поскольку их жизненную судьбу определяло не столько число процентов от дохода, сколько количество рублей, реально оставшихся у них в руках.

Хотя мы условились при анализе табл. 4 статьи Милова и Ковальченко исходить из ее данных, все же я не могу не заметить, что умножение указанной в таблице суммы оброка конца XVIII в. на два (или около того) сняло бы вывод и об относительном возрастании эксплуатации. А такое умножение, как это было показано выше, диктуется необходимостью приведения показателей таблицы в соответствие с многочисленными данными научной литературы об оброке последнего десятилетия XVIII в., в том числе и с данными исследования самого Милова. Точно так же пришлось бы отказаться от тезиса об относительном возрастании эксплуатации (не говоря уже об утверждении об абсолютном разорении крестьян помещиками), если бы при исчислении средних доходов не игнорировались нетрудовые прибыли. Впрочем, мы отнюдь не собираемся доказывать отсутствие факта относительного роста эксплуатации или увеличения нормы прибавочного продукта. Все здесь сказанное имеет один только вывод о полной несостоятельности попытки решить сложный вопрос тем расчетным способом, который предлагается в рассматриваемой нами статье.

Здесь нет места тому, чтобы выяснять, какими способами и методами можно определять степень феодальной эксплуатации и ее изменение во времени. Можно только сказать, что, по-видимому, исследование еще долгое время должно будет идти в рамках не губернских, а гораздо более узких повотчинных исследований, которые позволяют держать в поле зрения изучающего не только вырванные из всего контекста вотчинной документации подворные описи, но и ее остальные компоненты: переписку крестьян с помещиками, помещичьи инструкции и пр. Затем уже, после достаточного накопления такого узкого, но достоверного материала, возможен будет переход к более широким построениям.

Признание того, что крестьянин в середине XIX в. должен был отдавать большую долю своего прибытка помещику, чем в конце XVIII в., ведет Ковальченко и Милова к утверждению об уменьшении жизненных средств у крестьян. Им кажется, что обязательным следствием усиления эксплуатации крестьян должно быть постепенное ухудшение их положения и снижение уровня хозяйства (стр. 55). Авторы не замечают незакономерности такого заключения. Мы только что видели, что показатели повышения оброка и увеличения его доли в доходах крестьян смогли совместиться с увеличением части произведенного продукта, оставшейся у крестьян после феодальных поборов.

В сконструированных расчетным путем по четырем губерниям примерных бюджетных наметках «средних» крестьян делается попытка утвердить мысль о совершенном разорении «среднего» крестьянина помещиком: помещик не только отнимает средства на все потребительские нужды, оставляя «среднего» крестьянина без соли, но даже делает невоз-

на 0,5 руб. Однако был еще прирост дохода от промыслов в размере 2,7 руб. В результате не оброк опережал доход, а доход опережал оброк на 3,2 руб.

можным простое воспроизводство его хозяйственных благ. Авторы думают, что нарисованная ими картина точно иллюстрирует слова Маркса о предельном увеличении феодальной ренты (ст. 73). Но это в действительности не так. В случае, описанном К. Марксом, помещик, прижимая до предела крестьян, все же озабочен сохранением феодальных отношений и потому в своих эксплуататорских вожделениях останавливается у порога физического минимума жизненных средств крестьянина. Можно сказать, что описанное Марксом положение в основном было общераспространенным и долговременным состоянием в русском крепостном поместье со времени установления его связи с рынком, т. е. по крайней мере с середины XVIII в. Помещик же, о котором говорят Ковальченко и Милов, ведет другую политику: он не останавливается у указанного порога и ниспровергает самые основы феодальных производственных отношений — систему наделения крестьянина средствами производства.

Но есть ряд весьма серьезных сомнений в научной оправданности бюджетных прикидок, выполненных Ковальченко и Миловым. Назовем наиболее существенные из них.

Мы видим, что в конце XVIII в. (продолжаем условно считаться с предшествующими статистическими расчетами наших авторов) у «среднего» крестьянина оставалось от расчетов с помещиком меньше, чем в середине XIX в., на 13—30 руб. сер. на одно хозяйство. «Взамен» они, правда, имели тогда больше процентов от своего общего дохода, но это нисколько не восполняло недостающие рубли, — люди кормились не процентами, а реально оставшимися в их руках материальными средствами. Нельзя не задаться вопросом: если «средний» крестьянин с большим количеством денег в середине XIX в. решительно разорвался, то как он мог, будучи гораздо беднее в конце XVIII в., просуществовать затем более полувека? Учет изменения цен на продовольствие и изменения размеров подушной подати и мирских сборов не разрешает вопроса: произведенный мною примерный аналогичный расчет на конец XVIII в. по методам, нормам и ценам, указанным в статье Ковальченко и Милова, показывает дефицит у «среднего крестьянина конца XVIII в. в Московской и Тверской губерниях в 13—16 руб., а в Орловской и Рязанской губ. — около 7 руб. Как же он мог в таком случае так долго еще жить на свете в старом своем облике крестьянина? Ведь запасных жизненных ресурсов у него было мало.

Эти вопросы возникают при рассмотрении бюджетных прикидок, выполненных Ковальченко и Миловым, потому что на этих расчетах концентрированно отразились все просчеты, промахи и натяжки наших исследователей, о которых говорилось выше. Напомним главное. Во-первых, оброки, собиравшиеся со всех доходов крестьян, как трудовых, так и нетрудовых, сопоставлялись ими лишь с частью крестьянских доходов, а именно лишь трудовыми заработками, да и то далеко не в полном виде. Во-вторых, продуктивность крестьянского земледелия в оброчных селах высчитывалась ими по нормам, размеры которых определялись в преобладающей или в большей степени более низкой продуктивностью земледелия барщинного крестьянства. В-третьих, общий контур социально-экономического облика оброчных сел и деревень в предреформенные десятилетия был уже очень близок к контурам деревни пореформенной России. Так было не только в промышленности, но и в земледельческой полосе, где оброчными среди моря барщинных сел и деревень оставались лишь относительно «благополучные» поселения, интенсивно экономически развивавшиеся, а следовательно, с глубоким расслоением крестьянства. Отсюда следует, что исчисление доходов и повинностей «в среднем на одну душу муж. пола» без предварительной разбивки крестьян на группы научно недопустимо. Конечно, не в меньшей мере это можно сказать и о попытках выведения бюджетных расчетов для мифического оброчного «среднего крестьянина» целой губернии предреформенных

лет. Известные ленинские обличения подобных же расчетов Ф. А. Щербины обрушиваются на авторов рассматриваемой статьи со всей силой³².

Если мы отрицаем массовое разорение крестьянских хозяйств помещиками перед реформой, несмотря на всю тяжесть крепостничества, то может возникнуть вопрос: не приукрашиваем ли мы крепостнический режим, не выставляем ли мы положение крестьян до реформы в слишком благоприятном для него свете? На этот вопрос ответ должен быть отрицательным³³. Наше толкование обусловлено пониманием феодальных связей как производственных отношений и вытекающей из них заинтересованности самих феодалов в существовании крестьянского хозяйства на его традиционных основах. Это марксистское понимание противостоит народническому и вообще мелкобуржуазному толкованию отношений между помещиками и крестьянами, по которому помещики сдерживаются в своих грабительских устремлениях лишь своими гуманными чувствами и оборонительными мерами крестьян.

В заключение нельзя не остановиться на вопросе о том, почему у столь превосходных знатоков деревенской экономики крепостной России, какими являются И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, не получилось убедительного решения важного вопроса из истории помещичьей деревни в переломную эпоху. Нет сомнения, что пока еще нет достаточно прямого документального материала для его надежного решения, а попытки добиться ясности в вопросе о соотношении крестьянских доходов и повинностей (в его развитии) путем открывающихся от реальных показателей многоступенчатых расчетов не приводят к успеху.

То, что подобные расчеты все-таки предлагаются Ковальченко и Миловым вниманию читателей, очевидно, объясняется их стремлением подкрепить ту широко распространенную у нас концепцию кризиса крепостной системы, которой они придерживаются: обуреваемые усилившейся в новых условиях жадой прибыли, помещики начинают столь сильно эксплуатировать крестьян, что обескровливают их хозяйство и тем самым разрушают самую основу феодальной системы. По этой схеме русские помещики выступают как агенты первоначального накопления, ниспровергающие старые производственные отношения. Теоретически подобное явление могло иметь место, однако наши сведения о неподготовленности помещичьих экономий вести капиталистического типа хозяйство ко времени реформы, а также известное поведение большинства помещиков во время ее подготовки и их приверженность к остаткам крепостничества в пореформенное время показывают, что помещичьи экономии в России не приносили такого революционизирующего начала в ее хозяйственный уклад. Данная концепция привлекает своей простотой и ясностью, но как раз свойственные ей черты механицизма и упрощенности являются и ее слабостью.

Материалы, приведенные в статье Ковальченко и Милова, независимо от выводов, которые сделаны из них самими авторами, еще раз призывают к уточнению нашего понимания роли крестьянства в кризисе крепостнических отношений в России.

Крестьянское хозяйство не было лишь объектом хозяйственной воли помещика. Оно развивалось *во всей своей массе*, свидетельством чему служит тот факт, что в середине XIX в. «средние доходы» и «средние оброки» далеко отходили от соответствующих абсолютных показателей

³² См. В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 162—163.

³³ Здесь следует сделать одну существенную оговорку. Все исследование Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко, а соответственно и мой отклик на него, имеет в виду лишь губернии русского земледельческого и промышленного центра. Поэтому все выводы, содержащиеся в настоящем тексте, относятся только к этой географической области. Сильно продвинувшееся у нас изучение внутренних отношений в имениях западной полосы России — Прибалтики, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины — рисует существенно иную картину, чем в русском центре, но здесь она не принимается во внимание.

у наиболее многочисленных категорий крестьянских хозяйств в оброчной деревне. Это обстоятельство говорит о далеко зашедшем расслоении даже земледельческого оброчного крестьянства.

К предреформенному времени крестьянское хозяйство уже в значительной мере перестроилось: оно перебазировалось на использование новых, не традиционных источников материальных средств. Особенно хорошо это видно из того факта, что якобы «беднейшие» крестьяне, не имевшие минимума обычных сельских средств производства, нередко признавались помещиками более тяглоспособными, чем «средние» и даже «зажиточные крестьяне».

На переломе между феодальной и капиталистической системой экономики деревни переживала полосу кратковременного, но интенсивного развития. Это с наибольшей выразительностью запечатлено в том факте, что, даже при неблагоприятном для такого вывода методе исчисления, сопоставление доходов крестьян и оброков показывает значительное опережение первыми роста вторых. Разница между доходами и оброками возрастала, т. е. эксплуататорское рвение помещика не могло поспеть за растущей производительностью деревенского сельского хозяйства. Таким образом, в крепостной деревне преобладали не признаки упадка и «снижения хозяйственного уровня», а восходящие прогрессивные токи. Иначе и не могло быть. Ведь именно деревня была главным сосредоточением роста производительных сил, который лежал в основе кризиса крепостной системы.

Основы кризиса старой системы лучше проявятся нам, если мы в большей мере, чем теперь, будем учитывать все разнообразные конкретные проявления роста производительных сил деревни. Этот рост прежде всего сказывался во все большем включении в активную трудовую деятельность людских ресурсов деревни, в усилении многообразия хозяйственных занятий крестьян, в фактическом расширении свободы их передвижения, в применении внешне не всегда заметных лучших способов земледелия и промыслового труда, в добываемом крестьянами в повседневной борьбе с крепостниками расширении круга своего освобождения.
